

Деятельность Ингрид Рюйтел в контексте современной финно-угорской этномузыкологии (к юбилею ученого)

Н. И. Бояркин,
доктор искусствоведения, профессор,
заведующий кафедрой народной музыки ГОУВПО
«МГУ им. Н. П. Огарева»

Одна из задач современной финно-угорской этномузыкологии – изучение научной деятельности крупнейших ее представителей, вклад которых во многом определял методологию и методику, характер и направления исследований на тех или иных этапах истории науки¹. Особо актуально это для последних этапов развития, когда в ней произошли существенные качественные перемены.

Применительно к новейшей истории изучения музыкального фольклора финно-угров вклад Ингрид Рюйтел имеет неоспоримо выдающееся значение. Организационная и научная деятельность ученого представляется той центробежной силой, которая во многом способствовала

формированию динамичных процессов исследования музыкальных традиций российских финно-угорских народов в последние три десятилетия. Результаты этой деятельности фундаментальны, они прочно вошли в современную этномузыкологию, оказали влияние на осмысление многих важных явлений традиционной музыки. По масштабности и значимости творчество Рюйтел сопоставимо с научным творчеством самых крупных ее предшественников: Бела Бартока, Золтана Кодая, Илмари Крона, Армаса Вайсянена, Херберта Тампере, Евгения Гиппиуса, идеи которых были органично восприняты ею и получили дальнейшее развитие в ее трудах.

* * *

Роль Ингрид Рюйтел определяется ее вкладом во все базисные направления современной финно-угорской этномузыкологии: источниковедение, методологию исследований, теорию и историю, организационные аспекты науки. Ее деятельности присущ ярко выраженный «полифонизм», охватывающий широкий спектр проблем современной этномузыкологии. Это:

- 1) организация и координация экспедиционной деятельности в финно-угорских республиках и областях России со смешанным финно-угорским, славянским, тюркским населением;
- 2) формирование и совершенствование источниковедческой базы с упором на представление в ней звукозаписей

¹ Исследования подобного рода немногочисленны. Наиболее полно процессы становления и развития национальной этномышкведческой мысли, деятельность крупных ученых нашли освещение в капитальном труде белорусских ученых: *Белорусская этномузыкология: очерки истории* (XIX–XX вв.) / под ред. З. Можейко. Минск, 1997. 254 с.

произведений традиционной музыки и многообразных сведений о функционировании их в современном быту;

3) каталогизация полевых материалов, выпуск полевых записей в антологиях на грампластинках, а также в виде нотных транскрипций в научных сборниках и приложениях к трудам; создание музыкально-этнографических фильмов;

4) проведение научных, научно-практических конференций и семинаров, музыкально-этнографических концертов и фестивалей народной музыки, на которых впервые многообразно представляется музыкальная культура финно-угорских и иных народов (песенное творчество и инструментальная музыка, обрядовые синкретические комплексы, а также их научные реконструкции и т. д.);

5) составление, редактирование и публикация сборников научных трудов по актуальным проблемам музыкальной финно-угристики;

6) библиографическая работа, научная экспертиза и рецензирование новых публикаций полевых и архивных музыкальных материалов, теоретических исследований;

7) исследования по актуальным проблемам теории и истории традиционной музыки.

Исключительная жизненная и творческая активность Рюител, большая тяга к общению с носителями традиционной культуры, способность замечать наиболее характерное в этнических традициях, глубокое знание проблематики европейской и советской этномузыкологии, эрудированность в общей теории музыкознания, в смежных областях – социо- и этнолингвистике, истории и этнографии – позволили ей быть на самом острие исследований культур финно-угорских народов.

Хочется отметить стиль общения ученого с исполнителями и информаторами, характеризующийся глубоким интересом к ним, к их внутреннему миру. Наблюдая встречи Ингрид с мордовскими певцами и инструменталистами, можно было заметить, что они воспринимают ее не только (и не столько!) как ученого, организатора их концертных выступлений и записей на радио и телевидении, сколько как очень близкого им человека. При

Рюител Ингрид – Rütel Ingrid (родилась 3 ноября 1935 г. в г. Таллине) – этно-музыколог, организатор науки, педагог, музыкально-общественный деятель. Кандидат филологических наук (1970), доктор философии (1996), член Союза композиторов Эстонии, Международного комитета финно-угроведов, Финского литературного общества, Общества «Калевала», Финской фольклорной ассоциации, Совета эстонского национального фонда культуры, председатель Эстонского национального комитета в Международном совете традиционной музыки (ЮНЕСКО). Окончила

историко-филологический факультет Тартуского государственного университета по специальности «Эстонская филология» (1959), аспирантуру Института языка и литературы АН ЭССР по специальности «Народная музыка» (1967). В 1959–1963, 1967–1977 – научный сотрудник отделения фольклора Литературного музея им. Ф. Крейцвальда АН Эстонии, с 1978 – заведующая отделом народной музыки Института языка и литературы АН Эстонии (с 1 января 2000 г. – отдел этномузыкологии, входит в структуру Литературного музея).

Ингрид Рюител – автор более 500 научных работ по проблемам жанра, поэтической и музыкальной стилистики эстонских народных песен, их взаимосвязей с фольклором родственных и других народов.

всей своей огромной загруженности во время этнографических концертов и фестивалей, большом объеме организационной работы Ингрид находит время для неформального общения с исполнителями, проникается их заботами и делает все, чтобы бытовые проблемы не повлияли на их творческое горение, естественность и органичность творческого самовыражения. Ученый «изнутри» стремится понять ту многовековую духовную энергию, которая проявляется в этих людях, движет их к искусству, вызывает у них желание поделиться им с другими людьми. Таким образом ярко проступает глубоко личностная черта характера Рюител, крайне ценная для полевого исследователя, которая роднит ее с одним из выдающихся этномузыкологов, близким ей по духу, по отношению к народной культуре, – Евгением Гиппиусом.

Гиппиус и Рюител – актуальная научная тема. Вклад этих ученых в со-

временную российскую финно-угорскую этномузыкологию столь масштабен и содержателен, что безоговорочно позволяет отнести их к ее основоположникам. Данная тема требует специального освещения, в настоящей же работе будут отмечены лишь отдельные ее аспекты, которые, в связи с общими процессами изучения финно-угорской музыки, более отчетливо выявляют значение научного творчества и организационной деятельности Ингрид Рюител.

Евгений Владимирович Гиппиус, последовательный приверженец и продолжатель наиболее результативных тенденций западноевропейского музыкознания (и прежде всего австро-германской школы сравнительных исследований и финской школы каталогизации), воспринятых им еще в молодости в аспирантуре Б. В. Асафьева, усвоивший также ценный опыт русско-украинской исторической школы

44

Мордовский фольклорный ансамбль «Левож» на эстонском телевидении. 4-я слева – И. Рюител. 4-й справа – Н. Бояркин. 1976 г.

фольклористики, как никто другой из российских ученых, проявлял глубокий научный интерес к музыке финно-угров, занимался ее изучением на протяжении всей жизни. Достаточно сказать, что многие основы его учения (методы системного музыкального анализа, сравнительно-типологических исследований, структурно-аналитических транскрипций произведений народной музыки) были сформулированы им на материале фольклора финно-угров, а затем проверены на музыке славянских, тюркских народов и народов Северного Кавказа.

С исследованием финно-угорской культуры Гиппиус связывал широкий спектр научных проблем, актуальных для всей мировой этномузыкологии. Учитывая весьма хорошую сохранность, консервацию в ней многих элементов древнего искусства, наличие отчетливо различаемых исторически более поздних пластов и полиэтнических напластований, он считал, что изучение культуры финно-угров может дать ключ не только к пониманию специфики музыкального и поэтического строя фольклора этих народов, но и к объяснению многих явлений сла-

вянской и тюркской музыки, а также в целом – процессов формирования и развития национальных музыкальных систем².

Обширные знания по духовной культуре финно-угров, которыми обладал Евгений Владимирович, были почерпнуты им в ходе полевой экспедиционной работы, частых встреч с исполнителями, изучения многообразной отечественной и зарубежной лингвистической, исторической и этнографической литературы, а также в процессе долгого общения с деятелями науки. Глубокая дружба связывала его с крупнейшими финно-угроведами – этномузыкологами А. О. Вайсяненом, Х. Тампере, Л. Викаром, эпосоведами В. Я. Евсеевым и А. И. Маскаевым, лингвистами П. Аристэ, Б. А. Серебренниковым и др.

Ингрид Рюител, уже в 1970-е гг. зарекомендовавшая себя как крупный собиратель, исследователь произведений народной музыки и организатор масштабных научных конференций, воспринималась Гиппиусом как несомненный продолжатель традиций старшего поколения финно-угорских

ученых. Он высоко ценил личное общение с Рюител, ее научную интуицию; во время встреч на конференциях, заседаниях фольклорной комиссии Союза композиторов СССР ими обсуждался широкий спектр вопросов современной науки.

Особое внимание Гиппиус уделял разработке проблем структурной типологии и ареального картографирования, успешно осуществляемой в Эстонии, усматривая в этом позитивный пример для российских этномузыкологов. В частности, он отмечал, что «пока мы не исследовали местные стилевые типы в том направлении, в котором следуют эстонцы, проведшие структуральную типологию»³. Как ученый, чьи труды, научные положения и идеи всегда базировались на конкретных фактологических материалах, достоверность которых неоднократно проверялась и не вызывала сомнений, Гиппиус считал основательную работу Рюител чрезвычайно важной для формирования новых методологических подходов к изучению народной культуры.

Рюител ощущала острую необходимость обновления фактологической и

² Более подробно о вкладе Е. В. Гиппиуса в финно-угорскую этномузыкологию см.: Бояркин Н. Музыкальные традиции финно-угорских народов // Музыкальная академия. 2004. № 2. С. 95–98.

³ Из выступления Е. В. Гиппиуса на заседании Фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР 10 апреля 1973 г. во время обсуждения доклада С. Н. Кондратьевой «К вопросу о южнорусских песенных диалектах».

теоретической базы науки, определения новых перспективных ее направлений⁴. К осмыслению этих вопросов ее, очевидно, подвигло не только знание общей проблематики советской и европейской этномузыкологии, но и многоаспектные личные исследования по эстонской музыке.

Для Рюйтел стало очевидным фактом то, что после завершения публикации ныне широкоизвестного капитального свода «Eesti rahvalaule Viisidoga» Херберта Тампере и других его обобщающих работ⁵ в эстонской музыкальной фольклористике в целом завершился важный этап – этап изучения жанрового состава народной песни, ее идейно-тематического содержания, особенностей функционирования произведений в быту; были определены основные музыкально-стилевые группы напевов и «фольклорные районы», описаны музыкальные инструменты, связь наигрышей с бытом и традиционной танцевальной культурой⁶. Очевидным стало и то, что дальнейшее изучение народной музыки требует разработки новых методик классификации имеющегося и пополняющегося фонда полевых материалов с целью глубокого сравнительно-типологического анализа эстонских песен и соотнесения его результатов с результатами анализа музыкальных культур родственных и соседних народов. Для этого целесообразно было воспользоваться новейшими техническими средствами,

предложить методику их применения в музыковедческих исследованиях.

Практические шаги в данной области начались с организации по инициативе Рюйтел в 1978 г. сектора народной музыки в Институте языка и литературы АН Эстонии. К числу задач сектора относилась разработка автоматического метода классификации народных напевов с помощью ЭВМ с целью поиска их вариантов и определения типологических групп. Эта работа выполнялась главным образом Ингрид Рюйтел при участии заведующего сектором вычислительной лингвистики Марта Реммеля; она увенчалась созданием серии публикаций, посвященных структурно-типологическому анализу эстонских мелодий⁷.

Появление новых концептуальных идей, выдвигаемых этномузыкологией на тех или иных этапах развития, как правило, сопровождается не только совершенствованием ее методологии, но и уточнением границ самого предмета исследования, включением ранее неизучаемых или малоизучаемых явлений, содержащих информацию для целостного понимания объекта. К таким явлениям относится и фольклорная исполнительская терминология – своеобразная теория народного искусства, позволяющая оценивать различные факты культуры, нередко ускользающие от исследователей, с точки зрения самих носителей традиции.

В той или иной степени указанная область народных знаний исследова-

лась многими учеными, в том числе финно-угристами, однако Рюйтел не просто обратила на нее специальное внимание, но и придала ей значение информативно богатого источника⁸. В трудах ученого фольклорная терминология стала полноценным научным документом в ряду других подобных документов (комментарии певцов, их сведения об исполнении и т. д.), позволяющим аргументировать весьма важные теоретические заключения, относящиеся как к характеристике местного музыкального стиля, так и к психологии народного творчества в целом. Фольклорная терминология выступает в работах Рюйтел в качестве мобильного элемента традиционного коллективного мышления, подверженного пространственно-временным и внутриэтническим модификациям, различающегося по глубине и способам генерализации знаний о народной музыке.

Совершенствование, обновление, упорядочение и объективизация фактологии, комплексное изучение содержащейся в ней многосоставной информации являются *основой*, образно говоря, альфой и омегой всего *научного творчества Ингрид Рюйтел*. При непосредственном плодотворном ее участии источниковедение стало весомой частью современной эстонской и российской музыкальной финно-угристики. В фонограммархиве Литературного музея им. Ф. Крейцвальда Рюйтел заложила обширные коллекции

⁴ Статья И. Рюйтел «Tänasest, homsele mõeldes» (Sirp ja Vasar. 1967. 13 okt.), в которой затрагивается эта проблематика, кажется, была одной из первых не только в Эстонии, но и во всем Советском Союзе. Лишь шесть лет спустя обозначенные ею вопросы были рассмотрены на VIII Всесоюзной акустической конференции (см.: VIII Всесоюзная акустическая конференция: доклады. Секция Г. М., 1973. 82 с. [Препринт Ин-та акустики АН СССР]).

⁵ Кроме отмеченного в тексте пятитомного труда «Eesti rahvalaule Viisidoga» (Tallinn, 1956–1965) имеем в виду следующие работы Х. Тампере: Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества // Вопросы этнической истории эстонского народа: сб. ст. / под ред. Х. А. Мора. Таллин, 1956. С. 293–318; Eesti lüro-eeviliste rahvalaulude muusikalistest stiilidest // Paar sammukest eesti kirjanduse ja rahvalaule uurimise teed: Uurimusi ja materjale. II. Tartu, 1961. lk. 235–261; Стилевые типы мелодики эстонских рун // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, 1964 г.). М., 1964. [Отдельный оттиск; 20 с.].

Значительная часть научных работ ученого для русскоязычного читателя стала доступной с изданием книги, подготовленной И. Рюйтел (редакция и комментарии), И. Ярва, И. Тынуристом (переводы с эстонского): Тампере Х. Эстонская народная песня: ст. и материалы. Л., 1983. 160 с.

⁶ Научная антология в грампластинках «Eesti rahvalaule ja pillilugusid» (Tallinn, 1970), изданная Х. Тампере совместно Е. Тампере и О. Кõiva, а также его посмертная монография «Eesti rahvapillid ja rahvatantsud» (Tallinn, 1975).

⁷ Наиболее полно метод классификации и аналитический инструментальный программный обеспечения для ЭВМ изложены И. Рюйтел в ст.: Опыт определения мелодических типов и их взаимосвязей с иными признаками (на материале эстонских рунических напевов) // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов: учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1984. Вып. 689. С. 133–146.

Первые публикации по практическому применению метода и принципов строения генеративной грамматики появились в конце 70-х – начале 80-х гг.: Рюйтел И. Опорная система и закономерности варьирования мобильных элементов как структурные признаки типологии народных напевов // Проблемы таксономии эстонских рунических мелодий: сб. ст. ИЯЛ АН ЭССР / отв. ред. М. Реммель. Таллин, 1985. 34 с. [Preprint KKI – 37]; Её же (совместно с Койт Хаугас). Метод распознавания мелодических типов и определения типологических групп // Количественные методы в музыкальной фольклористике и музыкознании: сб. ст. М., 1988. С. 85–103 и другие публикации.

Методы структурного моделирования и анализа музыкальных компонентов напевов с применением ЭВМ нашли освещение и в последующих работах ученого. См.: Рюйтел И.: О компонентах музыкального ударения в рунической песне (на материале акустических исследований водских и эстонских свадебных напевов) // Квантитативные аспекты системной организации текста: материалы межвуз. семинара. Тбилиси, 1987. С. 166–169; Её же (совместно с Jaan Ross). A study of pitch contours and the scale structure in votic folk music. Tallinn, 1985. 34 s. [Preprint KKI – 37]; Её же (совместно с Койт Хаугас). Метод распознавания мелодических типов и определения типологических групп // Количественные методы в музыкальной фольклористике и музыкознании: сб. ст. М., 1988. С. 85–103 и другие публикации.

⁸ См.: Rahvalaule terminoloogia probleeme // Keel ja Kirjandus. 1969. № 2. lk. 95–104.

Участники научной конференции Союза композиторов РСФСР «Музыка народов Поволжья и Приуралья». Руководитель Е. В. Гиппиус (1-й ряд, в центре). И. Рюител – 3-я слева. Чебоксары, 1975 г.

звукозаписей традиционной музыки: кроме эстонского фольклора она собирала песни, наигрыши и иные материалы по вепсскому, коми, марийскому, мордовскому, ижорскому, удмуртскому, хантыйскому, мансийскому фольклору и фольклору других народов.

Собирательская деятельность ученого далеко не ограничивалась полевой экспедиционной работой и стационарными записями народных исполнителей. Исследователь много делала и по включению в обиход науки материалов других ученых, способствовала тому, чтобы их записи не были утеряны (как это нередко случалось), по ее рекомендации фонограммархивом Литературного музея приобретались ценные собрания звукозаписей видных собирателей. Рюител нотировала сама и организовывала для нотации специ-

алистов за пределами Эстонии. Таким образом для науки и культуры были сохранены произведения, многие из которых в наши дни, в силу заметного угасания фольклорных традиций в современном быту народов, уже не представляется возможным зафиксировать вновь. Это можно сказать, например, о ценной коллекции магнитофонных записей мордовских песен и плачей и расшифровок их поэтических текстов М. И. Чувашева, относящихся к 60-м – началу 70-х гг. прошлого века⁹.

Совершенствование фактологической базы науки, методики сбора, систематики и хранения было постоянным объектом внимания Рюител¹⁰. Поднимаемые ею проблемы вызвали большой интерес не только у финно-угорских исследователей, но и у специалистов по другим культу-

рам. Значимость ее выступлений по данной тематике в 1970–1980-х гг. возрастала в связи с тем, что в этот период во многих республиках СССР началась большая работа по формированию и упорядочению хранилищ звукозаписей и рукописных фондов нотаций. Она была развернута главным образом фольклорными комиссиями союзов композиторов, национальными научно-исследовательскими институтами. Опыт старейшего хранилища на территории СССР – фонограммархива отделения фольклора Литературного музея им. Ф. Крейцвальда в Эстонии, основанного в 20-е гг. XX в.¹¹, и новейшие наработки Рюител в этой области были как нельзя кстати и полезны для всей многонациональной советской фольклористики.

Значимость многогранной работы по формированию современной научно достоверной базы для изучения финно-угорского музыкального фольклора, выдвинувшей Ингрид Рюител в число крупнейших полевых исследователей, заключается и в том, что под влиянием ее интенсивной собирательской и организационной деятельности в Литературном музее (фонограммархив которого под ее руководством стал лучшим хранилищем на пространстве бывшего СССР), а также организованном ею в 1978 г. секторе народной музыки Института языка и литературы АН Эстонии началось упорядочение коллекций народной музыки в республиках и областях России с финно-угорскими центрами, в частности, во многих вузах и национальных институтах языка, литературы и истории.

Благодаря Рюител полевые исследования по российским финно-уграм, основанные ныне на методиках электроакустической, в том числе многоканальной, звукозаписи, обрели подлинно научный статус.

⁹ И. Рюител принадлежит первая биографическая статья о М. И. Чувашеве: M. Tšuvašovi rahvaluulekogy kirjandusmuuseumile (Mordva rahvaluulekoguja, 1909–1973) // Keel ja Kirjandus. 1973. № 6. lk. 380–381.

Материалы М. И. Чувашева (в значительной части из фонограммархива Литературного музея им. Ф. Крейцвальда) опубликованы в книге: *Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: Антология* / авт.-сост. М. И. Чувашев, И. А. Касьянова, А. Д. Шуляев, А. Ю. Мальхин, Т. И. Волкова. Самара, 2001. 536 с.

¹⁰ См.: *Рюител И. О хранении и учете материалов народной музыки в архиве Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда АН ЭССР* // Информационное письмо СК СССР. М., 1972. № 7/8. С. 57–59; *Ее же* (в соавторстве с А. Виссел). Звукозаписи музыкального фольклора разных народов в фоноархиве Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда АН ЭССР // *Soome-ugrilaste rahvamuusika ja kultuurid*. Tallinn, 1980. lk. 289–318 и др.

¹¹ К слову, в России первый (остающийся единственным государственным) фонограммархив был основан позже эстонского, в 1927 г. Е. В. Гиппиусом в структуре Института истории искусств (ныне он находится в Институте русской литературы РАН – «Пушкинский дом»). Другие хранилища произведений народной музыки – в институтах, союзах композиторов, Домах народного творчества – не имеют статуса государственного архива, в них, как правило, не предусмотрены должности хранителей и научных сотрудников; работа по пополнению, систематике фондов проводится главным образом энтузиастами – собирателями и сотрудниками, в чьи служебные обязанности она не входит.

В этномузыковедении был преодолен главенствующий здесь вплоть до 70-х гг. композиторский подход в методике нотаций произведений народной музыки, который не позволял адекватно отразить в публикациях многие ее особенности. Переход к подлинно научным нотациям звукозаписей, в значительной части – к структурно-аналитическим транскрипциям по методу Е. В. Гиппиуса, сбор и систематика многообразных сведений по функционированию произведений в быту, изучение их историко-этнографического контекста и других вопросов способствовали осознанию единичного исполнительского факта фольклора как многосоставного документа культуры в системе типологически подобных ему явлений этнической духовной традиции.

Деятельность Рюйтел в области совершенствования источниковедческой базы науки неотделима от ее кропотливой работы по редактированию сборников нотаций образцов народной музыки¹², экспертной оценки новых изданий фольклора финно-угров. Для ее редактирования и рецензирования характерны глубокое проникновение в научные замыслы автора труда, конкретность и компактность (можно сказать – тезисность) изложения. Ей удается отразить суть рецензируемой

работы, выявить и отметить новаторские моменты, не навязывая своего отношения, «пригласить» читателя к размышлениям по обсуждаемой проблеме¹³. Оперативные отклики на ценные начинания коллег в финно-угорских республиках, объективная оценка их труда имели большое значение для последующей работы авторов, благоприятствовали всей многообразной их деятельности, придавали социально значимый статус изучению народной культуры в целом.

Столь же важным аспектом деятельности Рюйтел, связанной с источниковедением, можно считать и разработку ею *систематической библиографии* по народной музыке финно-угров, без которой, как известно, не может в полной мере развиваться научная дисциплина. Ее вклад в формирование современной этномузыкологии трудно переоценить. Имевшиеся до этого времени специальные библиографические издания, в которых спорадически появлялись названия трудов по музыке финно-угров России, не давали сколько-нибудь *целостного* представления об этномузыковедческой литературе¹⁴. Рюйтел, по-существу, была первой, кто начал выявлять и систематизировать публикации и исследования по музыке *всех* финно-угорских и самодийских народов;

она организовывала исследователей по разным народам, что закладывало основы библиографической работы в самих финно-угорских республиках¹⁵.

Главные аспекты *научной школы Ингрид Рюйтел* заключаются в исторической и структуральной типологии (с упором на методы ареального картографирования) и в сравнительных исследованиях межэтнических связей и взаимодействий, в изучении проблем современного функционирования традиционной музыки в быту¹⁶. Ценность работы в этих направлениях сказалась не только на формировании методологической базы исследований в финно-угристике и уточнении принципов этномузыкологии в целом, но и на получении *конкретных научных результатов*, выводов и обобщений по музыке ряда финно-угорских народов России. Достижения ученого касаются проблем структурирования различных по исторической глубине пластов традиционной песенности, анализа и типологизации их системообразующих компонентов и форм соотношений мелодики напевов и поэтического строя песен, выявления репрезентативных признаков, на основе которых могут быть изучены универсалии в рамках музыки финно-угорских и соседних народов.

¹² Отсылаем читателя к недавно изданной систематике ее работ: *Ingrid Rütel: Bibliograafia*. Tallinn, 2005. 90 ik.

¹³ Ярким примером такого рода работ может служить ее отзыв «Памятники мордовского музыкального искусства» (Блокнот агитатора. Саранск, 1982. № 12. С. 20–21), в котором весьма полно выявились принципы письма в жанре рецензирования. На двух страницах плотного текста Рюйтел удалось дать характеристику структуры и содержания книги, выявить теоретические подходы, которыми руководствовались авторы, раскрыть принципы аналитических транскрипций, отметить степень типичности материала, значимость труда для науки и культуры.

Некоторые рецензии не остались на уровне оценок рассматриваемых публикаций; поднятые в них вопросы стали предметом дальнейших разработок в финно-угристике. К таким работам относится, например, отзыв, написанный И. Рюйтел совместно с К. В. Чистовым, на сборник «Карельские причитания» А. Степанова и Т. Коски (Петрозаводск, 1976), опубликованный в журнале «Советская этнография» (1978. № 5. С. 178–181). В частности, высказанные в рецензии положения о природе и специфике финно-угорской причетной традиции нашли дальнейшее продолжение в работах Т. В. Краснопольской (по карелам), Н. Г. Юрченко (по мордве) и других авторов.

¹⁴ Это в полной мере относится как к специальным библиографическим изданиям типа «Annual Bibliography of European Ethnomusicology», выпускаемым Словенским народным музеем в Братиславе, так и к библиографиям общетнологоического характера, в которых не выделялись в отдельный раздел издания по народной музыке и которые охватывали деятельность лишь отдельных научных обществ, международных форумов, национальных научно-исследовательских институтов в России в разные исторические периоды (например: *Suomalais-Ugrilaisen seuran. Julkaisut*: 1886–1983. Helsinki, 1983; продолжение издания под тем же названием: 1885–2004. Helsinki, 2005; *Советское* финно-угроведение: 1975–1980: Материалы к V Международному финно-угорскому конгрессу (Турку, 1980). М., 1980; продолжение издания под тем же названием: 1980–1984: ...к VI... конгрессу (Сыктывкар, 1985). Сыктывкар, 1985; *Библиографический указатель научных трудов МарНИИ за 50 лет (1930–1980)*. Йошкар-Ола, 1981; *Систематический указатель* к «Запискам» и «Трудам» НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР (1940–1982). Саранск, 1982 и др.

¹⁵ Основные принципы систематики литературы, предложенные И. Рюйтел, – группировка изданий по отдельным народам, а внутри разделов – по авторам и хронологии публикации работ. См.: *Публикации* и исследования народной музыки финно-угорских народов СССР в Советском Союзе за 1941–1972 гг. // *Soome-ugri rahvaste muusikapärandid / koost. ja toimit. I. Rütel*. Tallinn, 1977. Ik. 499–512; под тем же названием за 1973–1977 гг. // *Soome-ugrilaste rahvamuusika ja naaberikultuurid / koost. I. Rütel*. Tallinn, 1980. Ik. 321–332.

Из публикаций, осуществленных в российских финно-угорских центрах, сошлемся на работы Н. И. Бояркина и Л. В. Седовой (опубл.: Современное песенное искусство мордвы: тр. НИИЯЛИЭ / сост. и отв. ред. Н. И. Бояркин. Саранск, 1984. Вып. 74. С. 145–157), Л. Б. Бояркиной (опубл.: Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов: тр. НИИЯЛИЭ / сост. и отв. ред. Н. И. Бояркин. Саранск, 1986. Вып. 86. С. 173–178). Одной из крупных библиографических работ является «Библиографический указатель по фольклору хантов (1880–1999 гг.)» (Томск, 2000. 128 с.) Т. В. Волдиной, составивший фактологическую базу ее кандидатского диссертационного исследования «История изучения хантыйского фольклора (XIX–XX вв.)», защищенного в 2000 г. в Томском университете.

В последние годы началось издание библиографий, посвященных систематизации трудов по отдельным финно-угорским этномузыковедам. Это: «Научные труды Н. И. Бояркина (1974–2001)», систематизированные Л. Б. Бояркиной и опубликованные в монографии Т. И. Одиноквой «Н. И. Бояркин: Грани творчества» (Саранск, 2002. С. 72–109); вышеназванный труд «Ingrid Rütel: Bibliograafia» (Tallinn, 2005. 90 ik.), подготовленный G. Eero, R. Hillermaa и другими авторами.

¹⁶ Назвать здесь все работы исследователя – монографии, предисловия к сборникам народных песен, статьи, тезисы докладов и др., опубликованные в Эстонии, России и во многих других странах, не представляется возможным; отсылаем читателя к вышеназванной библиографии И. Рюйтел (см. прим. 15).

И. Рюйтел с исследователями и исполнительницами фольклора. 2001 г.

В исследованиях Рюйтел музыкальные традиции народов выступают как формы сложных корреляций имманентных и в разной степени детерминированных внешними факторами феноменов, проявляющихся в своей системной целостности в виде исторически складывающихся музыкальных этнокомплексов, изменяющихся в конкретном географическом и социальном пространстве и времени. Отметим, что данные методологические подходы, последовательно реализуемые и развиваемые Рюйтел, а также полученные на их основе научные результаты отличают, на наш взгляд, ее школу от современных этномузикологических школ Венгрии и Финляндии, которым, кажется, более всего присущ интерес к синхронному исследованию структурных компонентов явлений традиционной музыки¹⁷.

Ряд своих методологических принципов, касающихся изучения культур во взаимной связи диахронного и синхронного исследования, Рюйтел обнародовала уже в 1977 г. в предисловии к первому сборнику коллективных трудов¹⁸, явившемуся своего рода программным документом для многих российских финно-угроведов. Важно отметить, что эти позиции были очень близки концепции Е. В. Гиппиуса, считавшего, «что главной целью любого этномузикологического исследования является не просто введение новых фактов в историю мировой музыкальной культуры, но и определение их места в ней»¹⁹. «По существу, когда мы имеем дело с финно-угорскими или тюркскими народами СССР, – говорил Гиппиус, – мы имеем дело с совершенно неизученными с точки зрения истории музыкальным и системами» (курсив наш. – Н. Б.)²⁰.

Из трудов ученых можно заключить, что музыкальная система этноса представляется неким универсальным образованием, включающим в себя всю многомерную развивающуюся фольклорную реальность, выступающую в динамичной связи социально-смысловых (социально-знаковых) функций и музыкально-структурных типов, которые в свою очередь являют собой иерархические подсистемы музыкальных и поэтических компонентов, обнаруживающих неодинаковые формы взаимосвязей и корреляций в различных жанровых и стилевых видах.

Данные подходы наиболее последовательно реализованы Ингрид Рюйтел в ее исследованиях 1990-х гг., и прежде всего в монографии «Исторические пласты эстонской народной песни в контексте этнических отношений»²¹, подытожившей не только значительный этап изучения песенной культуры эстонцев, но и важный период в истории финно-угорской этномузикологии. Не имея возможности дать сколько-нибудь полный анализ этого капитального труда, в котором выстроена система эстонской песни в синхронных и диахронных аспектах ее функционирования, коснемся лишь некоторых результатов сравнительно-сопоставительных анализов, открывающих широкие перспективы при дальнейшем изучении проблем общности и различий творчества прибалтийско-финских и восточно-финских народов.

Чрезвычайно интересны, на наш взгляд, заключения автора о том, что «восточно-прибалтийско-финские народы (особенно сету) имеют ряд общих черт с мордовским языком и культурой, которых нет у других прибалтийско-финских народов и которые, очевидно, гораздо моложе старейших

¹⁷ Это весьма отчетливо проявляется, например, в работах Л. Викара (Archaic Types of Finno-Ugrian Melody // Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1972. № 14. S. 53–91), Е. Шмидт (Основы метрики в северохантыйском песенном творчестве: внутрострочный уровень // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 121–152), К. Лазар (Structure and Variation in Ob-Ugrian Vocal Folk Music // Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1988. № 30. S. 281–296), И. Саастамойнена (Kansat soittavat: Alkumusiikin lähteillä. Helsinki, 1985).

Речь идет, конечно, о преобладающих тенденциях в методологии исследований в Венгрии и Финляндии. Наряду с вышеотмеченными работами имеются труды, в которых последовательно реализуются комплексные подходы с широким применением синхронных и диахронных принципов, как, например, в капитальной монографии об инструментах Т. Лейсий (Suomen ja karjalan vanhakantaiset torvi- ja pillisoittimet. I. Nimistö, rakenteet ja historia. Kaustinen: Kansanmusiikki-instituutti, 1983).

¹⁸ См.: Riiitel I. Saaters // Soome-ugri rahvaste muusikapärandid...

¹⁹ Дорохова Е. А., Пашина О. А. Научная проблематика исследований Е. В. Гиппиуса // Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. М., 2003. С. 44.

²⁰ Из выступления Е. В. Гиппиуса на заседании фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР 26 марта 1976 г. во время обсуждения доклада Р. А. Чураковой «Удмуртские свадебные песни». Цит. по ст.: Дорохова Е. А., Пашина О. А. Научная проблематика исследований Е. В. Гиппиуса. С. 44.

²¹ Рюйтел И. Исторические пласты эстонской народной песни в контексте этнических отношений / пер. [на рус. яз.] В. Данилова; ред. Т. Лагле. Таллин, 1994. 99 с.

прибалтийско-финских/волжско-финских общих черт»²²; «ливы и мордва – единственные финно-угры, у которых записаны связанные с наступлением весны ритуальные песни, в которых обращаются к птицам, причем в обоих языках встречается близкое, с неизвестным значением (ономатопэтическое?) слово *šisog* (ливский язык) – *šikog* (мокшанский язык)»²³. Как одно из объяснений таких сходств между мордвой и сету-эстонцами, мордвой и ливами исследователь допускает контактирование культур через посредство позднее исчезнувших с исторической арены финно-угорских племен – муромы и мери, «чьи территории были окончательно заселены русскими приблизительно в X веке»²⁴.

Столь же ценными являются положения книги о финно-угорском многоголосии. Острота проблемы в немалой степени заключается в том, что по вопросу его происхождения до сих пор существуют диаметрально противоположные точки зрения: одни ученые (Е. Гиппиус, Г. Сураев-Королев, И. Земцовский и др.) считают этот феномен автохтонным, другие (преимущественно фольклористы так называемой московской школы и западные ученые) – заимствованным.

Западная компаративистика на протяжении более полувека постулировала ничем не обоснованное положение о том, что «старая, самобытная финно-угорская музыка не знала полифонии»²⁵. Рюйтел выходит на новый, тщательно аргументированный, уровень рассмот-

рения этой важной проблемы в контексте балто-финских, восточно-финских и восточно-славянских отношений. В части мордовско-эстонских связей она указывает, например, на черты общности мелодики мордовских напевов бурдонной полифонии и сетуских напевов «в местности, где прежде жили ливы» (те и другие имеют общие элементы с бурдонным пением латышей)²⁶. Исследователь также отмечает, что бурдонизм и гетерофония присущи более старым обрядовым песням мордвы и южноэстонским песням, обращает внимание на общность хоровых тембров, на специфический прием, заключающийся в постоянном повышении регистра звучания напева с последующим резким его понижением, называемым у мордвы *vaiğgelenь велаятрома*, у эстонцев – *kergütämine*.

Ряд других интересных заключений Рюйтел в целом способствовал тому, что проблема многоголосия из разряда спорной (главным образом в мордовском этномузыкальном знании) вышла в область общепризнанной (главным образом в этномузыкальном знании). Многие положения ученого подтвердила и развила международная научная конференция 2004 г., на которой впервые в истории этномузыкального исследования специально были вынесены для рассмотрения вопросы специфики природы и развития многоголосия финно-угорских народов, его генетических связей и историко-типологических отношений с формами совместного пения и инструментальной музыки других народов²⁷.

Представляется важным отметить, что работы И. Рюйтел, а также Т. Ананичевой, Л. Бояркиной, Н. Жулановой, И. Земцовского, С. Кондратьевой, И. Мациевского, И. Нуриевой, Г. Сураева-Королева, Р. Чураковой, Л. Шипицыной и других авторов²⁸ в области изучения финно-угорского многоголосия и его взаимосвязей с многоголосием соседних народов обострили вопросы современного исследования славянского многоголосия, особенно русских многоголосных территорий, на которых издревле проживали финские народы или где они были ассимилированы русскими. Неожиданный аспект мордовско-русских взаимосвязей в области многоголосия выявила московский исследователь Т. А. Старостина, которая определила, что в звуковысотных структурах музыки Игоря Стравинского отчетливо просматриваются прообразы архаичных форм народного многоголосия, сохранившиеся до настоящего времени «в некоторых регионах бывшей Воронежской губернии, на востоке рязанских земель и в высшей степени характерные для мордвы»²⁹. Свой анализ она основывает на сопоставлении структур из музыки Стравинского и партитурных транскрипций мокша-мордовского многоголосия, опубликованных в академической антологии «Памятники мордовского народного музыкального искусства»³⁰.

Изучение проблемы финно-угорского многоголосия, его генезиса и исторических взаимосвязей с формами совместного пения соседних народов в заслуживающем того объеме только

²² Там же. С. 64.

²³ Там же. С. 64–65.

²⁴ Там же. С. 65.

²⁵ *Vikar L. Archaic Types of Finno-Udrian Melody...* S. 60–61. Данная мысль, очевидно, возникла на предположении А. О. Вяйсянена, высказанном по поводу мордвы, о том, что «обычай петь хором был заимствован, по-видимому, у русских» (*Väisänen A. O. Einleitung // Mordwinische Melodien / phonographisch aufgenommen und herausgegeben von A. O. Väisänen. Helsinki, 1948. S. XIV.*)

²⁶ См.: *Рюйтел И. Исторические пласты эстонской народной песни...* С. 80.

²⁷ См.: *Sooite-ugrilaste vokaalne mitmeäälsus slaavi ja balti rahvaste muusikakultuuri kontekstis. Tallinn, 2004.*

²⁸ Укажем лишь на некоторые публикации, по которым читатель может составить общее представление об их многообразной проблематике: *Песенное многоголосие народов России: тез. докл. науч.-практ. конф. (г. Воронеж, 24–29 сентября 1989 г.) / отв. ред. М. А. Енговатова. М., 1989. 78 с.; Герасимов О. М. Жанровая и региональная обусловленность многоголосия мари // Вопросы народного многоголосия: тез. респ. науч. конф. (15–22 октября 1988 г. Боржом) / ред. И. М. Жордания. Тбилиси, 1988. С. 19–21; Земцовский И. И. Музыка устной традиции мордвы: Памятники и проблемы // Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов: тр. НИИЯЛИЭ при Совмине МАССР / сост. и отв. ред. Н. И. Бояркин. Саранск, 1986. Вып. 86. С. 5–21; Лобанов М. А. Контрастная полифония в мордовско-эзрянских свадебных причитаниях // Фольклор и современная духовная культура финно-угров: материалы науч. симпозиума (Саранск, 17–18 июня 1992 г.) / отв. ред. Н. И. Бояркин. Саранск, 1993. С. 90–103; Ходырева М. Г. К изучению многоголосия обрядовых напевов северных удмуртов // Специфика жанров удмуртского фольклора: сб. ст. / отв. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск, 1990. С. 114–127; Сарв В. Многоголосные причитания в песенной традиции сету // Вопросы народного многоголосия... С. 50–51.; *Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: сб. науч. тр. / редкол.: Н. И. Бояркин (отв. ред.), Л. Б. Бояркина (сост.), М. В. Логинова, Е. В. Сычева. – Саранск, 2008. 396 с.**

²⁹ *Старостина Т. А. К проблеме многосоставности высотной структуры (на примере архаического многоголосия и музыки позднего Стравинского) // И. Ф. Стравинский: сб. ст. науч. тр. Моск. консерватории. М., 1997. Сб. 18. С. 48.*

³⁰ В частности, Т. А. Старостина ссылается на ранние работы Н. И. и Л. Б. Бояркиных и цитирует партитуры мокшанских песен из первых двух томов антологии (по-видимому, не располагая эзрянским, третьим, томом).

начинается. И здесь исследователей ожидает множество интересных открытий, которые могут в корне изменить некоторые устоявшиеся представления не только собственно о финно-угорской музыке, но и о музыкальных традициях других, и прежде всего соседних, народов. Иногда тщательный непредвзятый анализ даже известных фактов с уже устоявшейся научной интерпретацией может высветить их в межэтническом контексте совершенно по-новому³¹. Такие открытия не всегда гладко входят в научное сознание, но от этого они не становятся менее значимыми.

Научная школа Ингрид Рюйтел, оказавшая влияние на изучение музыкальных традиций в финно-угорских республиках России, отчетливо выявилась и в тематике руководимых ею конференций, материалы которых под ее редакцией вышли в свет и стали общеизвестны³². Среди направлений, которые она выдвинула для обсуждения, наиболее важными представляются следующие: фольклорная архаика в синкретических комплексах трудовой и обрядовой деятельности и соотносимые с ней вопросы генезиса и развития древнего искусства; генетические связи в традиционном творчестве финно-угров, формы исторических взаимодействий с культурой соседних народов; фольклоризм и его обусловленность аутентичным фольклором, его место и значение в современной культуре, связи с самодельным и профессиональным искусством. Данная проблематика не была оформлена И. Рюйтел в виде какого-либо отдельного программного документа, но складывалась во многом спонтанно, по мере изучения эстонского фольклора и его взаимо-

связей с культурами других народов, в чем она увидела многообразность и многосоставность явлений, сформировавшихся в процессе развития древних элементов культуры, сохранившихся до современности в сложных межэтнических взаимодействиях.

Конференции Рюйтел сыграли важную роль в консолидации финно-угорских этномузиковедов, их проблематика оказалась актуальной и перспективной. Нелишне будет заметить и то, что до них проблемы традиционной музыки российских финно-угров *не предлагались для широкого публичного обсуждения*. Отдельные доклады, выносимые прежде на секционные заседания международных конгрессов финно-угроведов, региональных конференций историков, этнографов, антропологов, литературоведов и т. д., посвящались рассмотрению лишь некоторых тем и, в силу того что аудиторию ученых составляли не этномузиковеды, оставались без должного обсуждения и научной оценки³³.

В отличие от многих других конференций Рюйтел впервые ставили крупные этномузиковедческие проблемы при широком представительстве специалистов по музыке финно-угорских народов. Они, по- существу, играли роль серьезной этномузиковедческой школы, подобно той, которую выполняли заседания и конференции фольклорной комиссии Союза композиторов России, руководимые Е. В. Гиппиусом³⁴. Во многом благодаря рюйтелевским и гиппиусовским конференциям, проходившим на них научным дискуссиям в последние три десятилетия в основном были преодолены малоэффективные для исследования народной музыки методологические

подходы, распространенные в финно-угорском этномузиковедении в более ранние периоды его развития. Один из них заключался в императивном влиянии литературоведения на исследование жанра народной песни, ее стихосложения, в объяснении многих других вопросов поэтики фольклора. Стало очевидным, что элементы литературоведческого анализа могут быть применимы в весьма ограниченных пределах и в совокупности с другими подходами.

Также был преодолен европоцентристский подход к анализу музыкального строя народных песен; научно более точным и выверенным стало оперирование понятийным фондом европейского музиковедения, выработанным в процессе постижения иной по своей природе, нежели народная музыка, музыкальной традиции. Наконец, прочно утвердилось понимание того, что сравнительные исследования проблем финно-угорской музыкальной общности и различий, равно как и проблем взаимосвязей со славянскими, тюркскими и другими народами, должны проводиться «через исчерпывающее изучение каждой отдельной культуры, через выяснение ее специфических наслоений и путей развития во взаимной связи диахронного и синхронного изучения»³⁵.

В выступлениях на эстонских конференциях, в сборниках, составленных Рюйтел из докладов (в том числе и большого числа начинающих исследователей), которые нередко основательно дорабатывались авторами, были определены актуальная тематика и теоретические подходы, получившие развитие в последующие десятилетия. По многим финно-уграм были изданы

³¹ Это касается не только финно-угорско-славянских, но и финно-угорско-тюркских взаимосвязей. Например, ряд интересных положений о некоторых сходствах многоголосия финно-угорских и тюркских народов Волго-Камья высказали Н. Ю. Альмеева, М. Г. Кондратьев, Г. М. Макаров.

³² Кроме вышеназванных сборников «Soome-ugri rahvaste muusikapärandid», «Soome-ugrilaste rahvamuusika ja naaber kultuurid» (см. примеры выше) имеются в виду и другие публикации по материалам конференций: *Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров* / сост. и ред. И. Рюйтел. Таллин, 1986. 368 с.; *Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов* / отв. ред. И. Рюйтел. Таллин, 1986. 361 с.; «Folk music today»: International conference (Tallinn, July 10–13, 1989): Abstracts / ed I. Rüütel. Таллин, 1989. 180 с. Проблематика публикации 1989 г. получила последующую глубокую разработку в капитальной книге под общей редакцией Маре Кыйва и Кай Васильевой «Folk Belief Today» (Tartu, 1995. 528 s.).

³³ На Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре в 1985 г. (VI конгресс) «Народная музыка» впервые была выделена в качестве самостоятельной подсекции (22 доклада и сообщения) в составе секции «Фольклористика». Однако материалы этого конгресса, как и последующих, в отличие от конференций Рюйтел, изданы лишь в кратких тезисах и не позволяют читателю глубоко ознакомиться с докладами, принципами содержащегося в них анализа и степенью аргументированности многих высказанных положений.

³⁴ Что же касается всесоюзных и региональных конференций, проведенных в финно-угорских центрах России (Саранск, Петрозаводск, Йошкар-Ола, Ижевск) местными НИИ языка, литературы и вузами, то на них выносилось крайне ограниченное число докладов: например, на Всесоюзной конференции по проблемам изучения фольклора финно-угорских народов, проведенной в Саранске в 1969 г., из 36 выступлений лишь четыре содержали этномузиковедческую проблематику (О. Кыйва, С. Н. Кондратьева, И. Рюйтел, Г. И. Сураев-Королев).

³⁵ См. об этом: *Дорохова Е. А., Пашина О. А. Жизненный и творческий путь Е. В. Гиппиуса // Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. С. 15–16.*

³⁵ Rüütel I. Saaters // Soome-ugri rahvaste muusikapärandid... lk. 5.

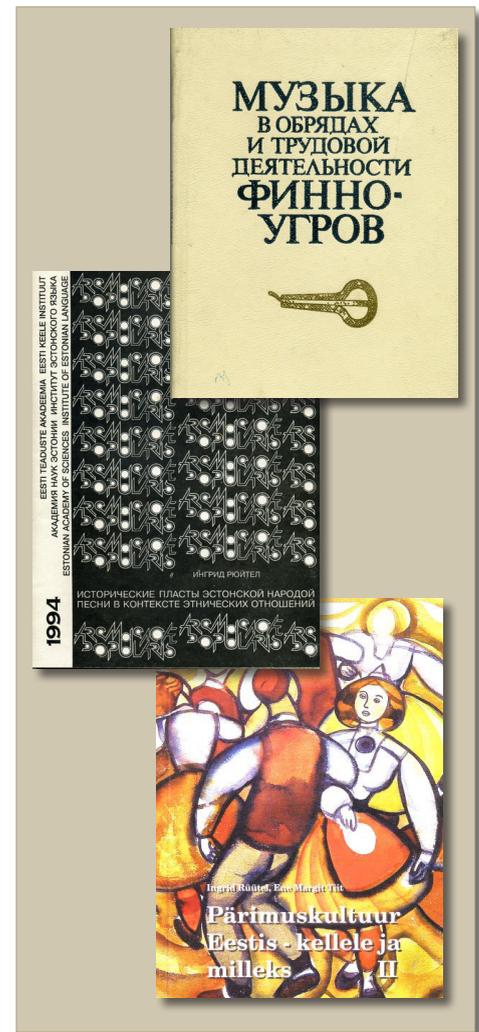
первые монографии³⁶, многотомные своды произведений народной музыки, содержащие также серьезные исследования и обширный научный аппарат (комментарии, указатели и т. п.)³⁷, составившие предмет дальнейших исследований.

Новая фактологическая база во многом определила в целом высокий уровень теоретического осмысления проблем, аргументированность научных выводов и заключений. Разнообразная по жанрам и видам *качественно новая этномузыковедческая литература* насчитывает в наши дни сотни публикаций по российским финно-уграм – книг, статей, сборников трудов, нотных изданий. Важно, что они созданы преимущественно полевыми исследователями, постигавшими фольклорную традицию в самой народной среде – среде живого ее функционирования. Иными словами, в республиках (главным образом в национальных институтах) сложился новый тип исследователей, обладающих знаниями родной народной музыки и современной теории, в том числе в смежных областях науки.

Исследования на практике подтвердили перспективность новых методологических подходов, в них определились направления последующей деятельности по изучению традиционного и современного народного песнетворчества. Значительная часть теоретической литературы имеет важное, а в ряде случаев основополагающее значение для понимания многих вопросов спе-

цифики фольклорных традиций; в ней подвергнуты анализу наиболее острые проблемы жанрово-стилевого содержания традиционного и современного песнетворчества, его системообразующие доминанты, особенности музыкального мышления и функционирования. Таким образом, оказались во многом реализованными пожелания Е. В. Гиппиуса, высказанные им на одной из первых конференций, посвященных проблемам собирания и изучения музыки народов Волго-Уральского региона, о том, что «в идеале каждый музыковед-фольклорист должен не только заниматься изучением народной музыки, но и профессионально ориентироваться в вопросах традиционной стихологии, песенной поэтики и в вопросах хореографии»³⁸.

Большой интерес к конференциям Рюйтел проявили слависты, тюркологи и специалисты по другим народам. Многие из них высказали ряд интересных идей об исторических взаимосвязях, явлениях типологической общности музыкальных традиций финно-угорских и соседних народов³⁹. Анализом качественно нового полевого материала они подтвердили и развили выдвинутые еще в 1930–1950-х гг. Е. В. Гиппиусом положения о сложном характере исторических взаимосвязей, в том числе о финно-угорском субстрате в русских региональных фольклорных традициях⁴⁰. Это явилось серьезным вкладом не только в финно-угроведение и славистику, но и в целом в этномузыкологию.

Говоря о многоаспектности направлений и проблематики исследований Ингрид Рюйтел, есть необходимость коснуться и такой темы, как народная музыка в контексте современной культуры. Ее актуальность для

³⁶ Некоторые из них: Бояркин Н. И. Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983; *Его же*. Становление мордовской профессиональной музыки (композитор и фольклор). Саранск, 1983; *Его же*. Мордовская народная музыка: Многоголосные инструментальные традиции. Саранск, 2004. Ч. 1; 2005. Ч. 2; *Бояркин Л. Б.* Эрзя-мордовское песенное искусство Среднего Поволжья и его взаимосвязи с традиционной русской песней: автореф. дис... канд. искусствоведения. Л., 1985; *Бульчева Н. Е.* Фольклор и фольклоризм периода формирования профессиональных традиций (на материале мордовской музыки). Саранск, 2003; Герасимов О. М. Народные музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола, 1996; *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999; *Хрущева М.* Удмуртская обрядовая песенность. М., 2001; *Чисталев П. И.* Коми народные музыкальные инструменты. Сыктывкар, 1984; *Чуракова Р. А.* Удмуртские свадебные песни. Устинов, 1986 и др.

³⁷ Многотомная серия Института языка и литературы АН Эстонии, издаваемая с 80-х гг. под редакцией И. Рюйтел, в которой опубликованы работы ее самой, а также К. Салве, В. Сарв и В. Пино, А. Виссел, А. Лийметс, Х. Сильвет; *Памятники мордовского народного музыкального искусства* / сост. Н. И. Бояркин; под ред. Е. В. Гиппиуса. Саранск, 1981. Т. 1; 1984. Т. 2; 1988. Т. 3; серия «Удмуртский фольклор», издаваемая с 1992 г. в Ижевске: составители: Е. Б. Бойкова, Т. Г. Владыкина, И. М. Нуриева, М. Г. Ходырева, Р. А. Чуракова.

³⁸ Из доклада Е. В. Гиппиуса «Проблемы собирания и изучения традиционного и современного песенного искусства и инструментальной музыки народов Поволжья» на конференции «Взаимосвязи традиционного музыкального искусства народов Поволжья» (Чебоксары, 24–27 марта 1975 г.). Цит. по: *Дорохова Е. А., Пашина О. А.* Научная проблематика исследований Е. В. Гиппиуса. С. 18.

³⁹ Круг авторов, затронувших тему, весьма широк; финно-угорско-славянские связи: В. А. Альбинский, Т. М. Ананичева, Н. Д. Бордюг, Т. Б. Варфоломеева, Е. Е. Васильева, И. И. Земцовский, В. А. Лапин, М. А. Лобанов, И. В. Мацневский и др.; финно-угорско-тюркские: Н. Ю. Альмеева, К. М. Бикбулатов, М. Г. Кондратьев, Л. И. Нагаева и др.

⁴⁰ Например, положения о чертах композиционного родства карельских эпических песен и русских былин заонежской и поморской традиции (см.: *Гиппиус Е. В., Евсеев В. Я.* Предисловие // Карельские народные песни. 1962. С. 5), о влиянии на стилистику обработок русских песен М. А. Балакирева традиционной бурдонной инструментальной музыки мордвы, марийцев, чувашей и других народов (см.: *Гиппиус Е. В.* Сборники русских народных песен М. А. Балакирева // М. Балакирев. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано. М., 1957. С. 208–210) нашли дальнейшую разработку в трудах многих последующих этномузыкологов (см. некоторые: *Васильева Е. Е.* Вепская мелострофа в межджанровых отношениях причетной традиции // Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии: тез. докл. Петрозаводск, 1979; *Лапин В. А.* Русский музыкальный фольклор в этнокультурном контексте Северо-Запада // Из истории Санкт-Петербургской губернии: Новое в гуманитарных исследованиях. СПб, 1997; Бояркин Л. Б. К проблеме изучения мордовского субстрата в русской музыке // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях: сб. науч. тр. Ижевск, 2002 и др.).

Фестиваль «Дни родственных народов. Таллин, 1995 г.

финно-угристики определяется не только общими задачами изучения проблемы в плане широкого осмысления исторической роли фольклора в современной жизни общества, его неисчерпаемости и многоликости проявлений в народном быту, в профессиональном и самодеятельном творчестве, в многообразных связях с различными видами искусств, но и тем обстоятельством, что данная проблематика имеет и свои специфические особенности, обусловленные типами культур финно-угров, в разной степени сохранивших свои автохтонные основы и вобравших иноэтнические элементы, а также степень изученности фольклора и в целом духовных традиций этносов, крайне различным уровнем развития профессиональных музыкальных форм – от их отсутствия (ханты, манси, вепсы и т. д.), неоднотипных процессов формирования (мордва, удмурты, карелы, коми и т. д.) до расцвета и наличия высокоразвитых музыкальных школ в композиции и

исполнительстве (Венгрия, Финляндия, Эстония).

Исходя из понимания музыкального фольклора как глобального, всеобъемлющего феномена, интегрирующего традиционное художественное миропонимание и мышление в эстетику современной духовной культуры⁴¹, свою исследовательскую деятельность Рюител разворачивает в двух взаимосвязанных направлениях: одно из них – теоретическое изучение проблемы, другое – практическое, которое можно определить и как лабораторно-экспериментальное.

Для ученого важно теорией и практикой утвердить в общественном сознании идею об объективной и общечеловеческой значимости музыкальной традиции этноса, поскольку она не реликт истории, а живое духовное его древо, на котором произрастают современные формы культуры. Задачи современного общества – «научиться ценить» явления традиционной культуры⁴², сохранять, оживлять и развивать традиции, которые исчезли

или исчезают в унифицированных течениях глобальной массовой культуры. Для Рюител представляется важным делать все возможное, чтобы в современной многоликой культуре традиционная народная музыка не потеряла своего неповторимого голоса, а могла бы полноценно функционировать в быту и использоваться на концертной эстраде. Реконтекстуализация и возрождение этнически самобытных, исчезнувших из активного быта явлений, внедрение их в новые художественные формы являются, согласно ее концепции, динамичными механизмами сохранения творческого наследия народов.

Спонтанное следование традиционным нормам (основа функционирования фольклора в прошлом) должно органично сочетаться с осознанной деятельностью научной и творческой интеллигенции, государства по сохранению самобытных традиций культуры, находящейся в постоянном диалоге с культурами других народов. «На пути скрещивания разных культур нередко

⁴¹ В этой части концептуальные идеи Рюител прямо соотносимы со взглядами ее выдающихся предшественников о том, что народная песня «не является пережитком устаревшего стиля, ее место не среди мертвых реликвий истории, она – живая жизнь» (Кодай З. Возрождение народной песни // Избранные статьи. М., 1982. С. 29).

⁴² См.: Рюител И. Фольклор и современная культура / пер. с эст. В. Данилова. Йошкар-Ола, 1990. С. 26.

произрастают самые сочные плоды»⁴³, – пишет ученый, приводя пример плодотворного влияния хоровых традиций Германии (очевидно, стиля *liedertafel*) на развитие эстонской хоровой культуры. Вместе с тем отмечается, что «необходимым условием расцвета культуры любого народа является способная к развитию среда национальной культуры»⁴⁴, что профессиональная музыка «самые интересные результаты все-таки дает именно на почве тесной связи со своей народной музыкой»⁴⁵. Творческое осмысление духовных этнических традиций как компонента общечеловеческой культуры, познание их специфических закономерностей, объективно существующих в сознании и слуховом опыте народа, как вытекает из трудов Рюител, есть путь дальнейшего развития музыкального искусства, обновления его образно-тематического содержания, средств интонирования, приемов и способов композиторского и исполнительского творчества.

Свои идеи Ингрид Рюител настойчиво внедряла в практическую деятельность – в организационные основы фольклорных фестивалей и музыкально-этнографических концертов, в сценарии фильмов. Их концептуальные положения не предусматривали воспроизведение неких костюмированных представлений, «грандиозных постановок», «помпезных спектаклей», официальных шоу-парадов, не соответствующих природе и социальным функциям фольклора, а преследовали цели «внутренней свободы и естественности» исполнения произведений, «самоценности» художественной деятельности самих исполнителей⁴⁶. «Мы хотим, – отмечает ученый, – чтобы фестиваль был сфокусирован на человека, на внутреннее фольклорное постижение и содержание преемственности традиций, а не на внешнюю

зрелищность» (курсив наш. – Н. Б.)⁴⁷. Фестивали и концерты фольклорной музыки по возможности должны давать глубокое представление о многоставности фольклорного континуума, его целостности как многоуровневой системы духовных ценностей и форм существования в этнокультурных и социальных контекстах жизни этноса. В связи с этим в конечном счете, этномузыкология как наука должна быть нацелена на изучение процессов формирования и развития гуманистической концепции жизни.

* * *

Анализ творчества Ингрид Рюител в контексте финно-угорской этномузыкологии позволяет говорить о том, что оно оказало влияние на все основные тенденции ее развития, а в ряде направлений науки стало решающим фактором. Многообразные формы научной и организационной деятельности ученого способствовали тому, что Литературный музей и сектор народной музыки Института языка и литературы АН Эстонии за последние три десятилетия сформировались как единый и *главный* центр по изучению традиционной музыкальной культуры российских финно-угров, благодаря чему были выполнены задачи исторической важности: изучение традиционной музыки финно-угорских народов обрело *целостный* характер; из отдельных разрозненных, спорадически проводимых исследований сформировалось мощное научное движение, современная этномузыкальная финно-угристика приобрела статус *сложившейся дисциплины* с выверенной методологией полевых и теоретических исследований и мощной источниковедческой базой науки.

По существу, под руководством Рюител эстонский центр превратился в неформально организованное *общество*

И. Рюител и А. Рюител – организаторы международных фольклорно-музыкальных фестивалей «Baltica»

исследователей финно-угорской музыки, объединившее этномузыковедов – финно-угристов, а также славистов, тюркологов и прочих специалистов, занимающихся проблемами сравнительного изучения музыки финно-угорских и других народов. Эстонский центр во многом выполнил и продолжает выполнять программные задачи ЛОИКФУН⁴⁸ по созданию «финно-угроведческой ученой научной традиции» в области этномузыкологии.

В творчестве Ингрид Рюител финно-угорская народная музыка выступает не только как информативно богатый материал для исследований, но и как *художественно значимое искусство*, способное выполнять и такие важные общественные функции, как сохранение этнического самосознания и культурного самоопределения народов. Своей деятельностью она способствует тому, чтобы духовные традиции финно-угров шире открывались международной общественности и стали достоянием мировой культуры.

⁴³ Rützel I. Saaters // Soome-ugri rahvaste muusikapärandid... lk. II.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ См.: Рюител И. О концепции фестиваля «Балтика» // Baltica' 89: Rahvusvaheline folkloorifestival. Tallinn, 1989. [С. 14].

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЛОИКФУН – «Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей» – основано в 1925 г. с целью создания «финно-угроведческого центра и финно-угроведческой ученой традиции» в России (Сб. ЛОИКФУН. Л., 1929. Вып. 1. С. 3). Задачи общества: выработка научного метода изучения финно-угорских народов, консолидация научных сил, воспитание кадров для российского финно-угроведения, изучение и освоение духовного наследия народов. Председателем общества был избран В. А. Егоров, ученым секретарем – И. Я. Депман. Члены общества: Л. Я. Брюсов, Д. В. Бубрих, Б. Н. Вишневский, А. А. Гераклитов, К. П. Герд, М. Е. Евсеев, Д. К. Зеленин, М. Т. Маркелов, Е. С. Тигонен и др. Общество издавало бюллетени, сборники научных статей и материалов, научные доклады и сообщения на заседаниях ученого совета, проводило полевые комплексные и сравнительные исследования.

В 1931 г. ЛОИКФУН был распущен, многие его члены репрессированы, а труды изъяты из научного обращения. Первая статья о ЛОИКФУН опубликована лишь в конце века (см.: Бояркина Л. Б. ЛОИКФУН: История и современность // Н. П. Огарев от XIX к XXI веку. Саранск, 1999).